

Русские писатели, 1800–1917: биографический словарь: Т. 5: П-С / гл. ред. П. А. Николаев. М. : Большая Российская энциклопедия. – (Русские писатели 11– 20вв.) – 2007.

Рязанский край в контексте русской литературы: очерки регионального литературоведения / А. А. Решетова, Т. В. Федосеева, Л. А. Анисарова, И. В. Грачева, Е. В. Греджева, И. В. Денисова, И. Ю. Жарова, К. А. Красовская, А. В. Сафронов, Н. И. Тангаева, О. С. Тополова; под ред. А. А. Решетовой, Т. В. Федосеевой. Рязань : Рязанский гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2017.

Pripisnova E. A. Outstanding contemporaries in the memoirs of E. I. Raevskaya: education, medicine, literature

Abstract: the article is devoted to the study of the content of the memoirs of E. I. Raevskaya. The main attention in the work is focused on the contemporaries of E. I. Raevskaya, who made their contribution to the development of various spheres of human life. This analysis makes it clear that the memoirs of E. I. Raevskaya provide interesting material that allows you to get an idea of the economic concerns, household and cultural traditions of the existence of noble estates, as well as convey the peculiarities of the mores and public moods of that era.

Key words: memoirs, E. I. Raevskaya, education, medicine, literature

С. А. Туманова

(научный руководитель – доктор филологических наук И. В. Дергачева)

Московский государственный институт культуры

Москва, Россия

Дело петрашевцев: личность Достоевского в эпистолярном наследии 1849 года

Аннотация: в данной статье рассмотрены письма Ф. М. Достоевского из Петропавловской крепости, а также личность писателя сквозь призму его мыслей в обозначенный период. Прослеживается процесс «перерождения» Ф. М. Достоевского, его взглядов и убеждений. В эпистолярном наследии 1849 года писатель раскрывается с разных сторон, поэтому задачей исследования является анализ роли дела петрашевцев в жизни Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, петрашевцы, эпистолярный, христианство, 1849

В данной статье предоставлен анализ личности Достоевского сквозь призму эпистолярного наследия. Решение схожих задач встречается в работах Е. Ю. Сафронова, О. В. Седельникова, В. В. Борисова, Б. Н. Тихомиров, В. Н. Захаров и др. Е. Ю. Сафронова в статье «Традиции ораторских жанров в “Объяснении” Ф. М. Достоевского» раскрывает аспект выстраивания коммуникации между судьями и писателем во время дела петрашевцев. Этот же автор в статье «Литературный код поведения Ф. М. Достоевского в процессе 1849 года» обращает внимание на личность Достоевского, сравнивая его поступки с поступками других обвиняемых. В статье «Формирование почвеннических взглядов в мировоззрении раннего Ф. М. Достоевского» О. В. Седельникова говорит о формировании основ почвенничества Ф. М. Достоевского (на что повлияли и петрашевцы). В. В. Борисова в статье «Эпистолярный Ф. М. Достоевского периода каторги и ссылки: код спасения» изучает христианский сюжет как элемент спасения писателя в годы каторги. Б. Н. Тихомиров в статье «Книги, бывшие у Ф. М. Достоевского во время

пребывания в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости (1849 год). Опыт реконструкции» показывает, как книги повлияли на взгляды писателя в обозначенный период. А В. Н. Захаров в статье «Кто подарил Достоевскому Евангелие в январе 1850 года?» показывает, как христианская литература отразилась на его мировоззрении.

1849 год, ознаменованный «делом Петрашевского» стал переломным в жизни Ф. М. Достоевского. 23 апреля, в день ареста Ф. М. Достоевского, «опечатавали» его книги и бумаги, согласно приказу Генерал-Адъютанта Графа Орлова: «немного нашли», всего «один тюк» [Захаров 2014: 290]. Среди них запрещенными оказались всего лишь две книги.

В письме из Петропавловской крепости от 20 июня 1849 года он прежде всего интересуется семьей и литературными делами. Достоевский сокрушается как писатель, который боится, что никогда больше не возьмет в руки пера: «Да, если нельзя будет писать, я погибну. Лучше пятнадцать лет заключения и перо в руках» [Орнатская, Фридлиндер 1988: 42]. Именно в этот момент читатель может увидеть то, что не давало покоя заключенному: он не хотел утратить самое дорогое – те образы, которые уже сложились в его голове и которые он не сможет воплотить в жизнь. О публикации произведения в «Отечественных записках» он говорил следующее: «Я беспокоюсь: что-то они там напечатали и не исказили ли романа?» [Белова 1992: 183]. Даже в заточении, находясь под следствием по серьезному делу, Достоевский не перестает быть писателем – его волнует правильность и правдивость опубликованного произведения. Он даже не может допустить, чтобы его творение как-то видоизменили – ведь без его контроля могли быть внесены корректуры.

И в неизменности текста Ф. М. Достоевский хочет удостовериться сам, именно поэтому он просит брата, Андрея Михайловича, прислать номер с напечатанным романом. Следовательно, эти ситуации показывают доминирование в личности Достоевского писательских начал – он переживает о произведении больше, чем о самом себе.

Это угадывается и в его следующей фразе. Писатель оговаривается о своем душевном состоянии: «хотя тоскую, но далек от уныния» [Сараскина 1996: 19]. Тоску и уныние в данном случае можно противопоставить как две разные эмоции. Одной из причин первой могут являться воспоминания о прошлом и настоящее, она происходит «от стеснительных обстоятельств, которыми испытывается вера наша в Промысл Божий и надежда на Его милосердие и всесильную помощь» [Преподобный Амвросий Оптинский 2015: 13]. Но причиной второго – неопределенность и ожидание будущего, «утрата всякой надежды на спасение» [Душенко 2016: 24]. Именно время, проведенное в Петропавловской крепости, стало точкой бифуркации для Ф. М. Достоевского: он проходил испытание верой и не должен был поддаться греху, потерять надежду на спасение. Так, даже на подсознательном уровне разграничивая два состояния, писатель подтверждает, что не чувствует уныния, которое, как известно, является одним из семи смертных грехов человека – фактически, оно означает отсутствие духовной работы человека над собой. Поэтому Ф. М. Достоевский стремится утвердить мысль о духовном самосовершенствовании.

Процесс приближения писателя к христианским ценностям прослеживается в просьбе Ф. М. Достоевского во время следствия принести Библию, в то время как другой обвиняемый, Петрашевский, просит собрание российского законодательства. Таким образом, писатель следует традиции «русского святого – не донести о чужом преступлении» [Сафронова 2005: URL], не защитить с помощью законов себя, а защитить других. Показателен тот факт, что Ф. М. Достоевский после отмененной смертной казни, 22 декабря 1849 года, упоминает о Библии, которая была у него в месте заключения и которая теперь должна достаться его брату Михаилу. А уже в 1850 году от жен декабристов ему достается новое Евангелие, которое сопровождало его всю жизнь. Вместе со сменившимся этапом жизни произошло и «замещение» книги священного текста – то есть в новый мир Ф. М. Достоевский вступил уже новым человеком, очистившимся от

грехов, и его «спутницей» становится новая книга (чистая в духовном плане). Евангелие было воспринято как «в страданиях Благая Весть» [Захаров 2015: 51] – воспринято как надежда на преображение, на то, что ему дается второй шанс. Как сказала В. В. Борисова: «Евангелие и деньги от «добрых людей», братьев и сестер во Христе, стали для автора великого «пятикнижия» атрибутами «спасения» и «знаками судьбы»» [Борисова 2019: 26]. Таким образом, данное поведение Достоевского и его письма из Петропавловской крепости позволяют сделать вывод – Федор Михайлович даже в трудной ситуации не сдался благодаря характеру человека, верящего в Господа и принимающего его наказания – при этом не опускающего руки.

А «22 декабря 1849 года, когда закончились все приготовления к казни осужденных, он, ожидая своей очереди, сказал, что «будет со Христом»» [Борисова 2019: 24]. В тот же день в письме к брату Михаилу из Петропавловской крепости он говорит следующее: «Думай о будущем детей твоих... Живи положительно» [Орнатская, Фридлиндер 1988: 42]. И уже в этих строчках мы видим, что Достоевский даже в это тяжелое время думает о других людях, он направляет их путь, пытается дать совет и открыть истину, что опять же соотносится с миссией русского святого, о которой упоминалось ранее.

Момент несостоявшейся казни мог стать не только элементом психологического давления: он оказался своеобразным моментом «духовной смерти» и «духовного воскрешения» писателя. Если рассматривать жизнь человека как исторические эпохи, то после падения (в данном случае – после разжалования и ссылки на каторгу) должно идти возрождение. Это подтверждается словами Ф. М. Достоевского. В том же письме от 22 декабря 1849 года он говорит: «Я перерожусь к лучшему. Вот вся надежда моя, все утешение мое». Если учитывать то, что в заключении он читал религиозную литературу (в письме от 18 июля говорит, что читал сочинения святого Дмитрия Ростовского, а также в письме от 27 августа 1849 года он просит брата «прислать Библию (оба Завета)»). Он говорит: «Мне нужно» [Орнатская, Фридлиндер 1988: 39]), то он, действительно, стремился преобразиться после времени, когда «грешил против сердца <...> и духа». Именно в это время происходит и переосмысление образа жизни и ценностей. В письме Михаилу Ф. М. Достоевский говорит: «Подле меня будут люди, и быть человеком между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть – вот в чем жизнь, в чем задача ее. Я сознал это. Эта идея вошла в плоть и кровь мою» [Орнатская, Фридлиндер 1988: 42]. Федор Михайлович не просто так употребляет выражение «в плоть и кровь». Известно, что это словосочетание пришло из Библии и фактически означает прямое порождение кого-то и чего-то. Может быть, в тот момент он и «перерождается» уже с новыми идеями и идеалами, начинает жить уже с другим осознанием себя и окружающей действительности? Тем более, что по заявлению самого писателя «казематная жизнь уже достаточно убила <...> плотских потребностей» [Орнатская, Фридлиндер 1988: 43] в нем – а значит, он действительно меняется, становится ориентированным в большей мере на духовное и христианское. Взглянув на дальнейшее творчество Достоевского, можно заметить, что данные тенденции отражаются и в произведениях писателя. В произведении «Преступление и наказание» писатель использует «художественные средства евангельской поэтики» [Сыромятников 2008: 287], то есть он не отходит от темы христианства и в дальнейшем. И использует религиозный контекст не только в этом произведении, но и в «Идиоте». Так, главный герой, Мышкин, олицетворяет Христа, «задуманного и воплощенного писателем в плоти и крови» [Азаренко 2014: 32]. Его монологи представляются как «проповеди» [Достоевский 1973: 362], а отдельные фразы по смыслу напоминают высказывания Иисуса – они несут одинаковую смысловую нагрузку.

Прекращение привычного (Санкт-Петербургского) образа жизни не страшит его, пока живы положительные воспоминания о нем. Если рассмотреть этот аспект, то занимателен факт, что писатель будто противопоставляет два вида памяти. О первом виде он пишет так: «Если кто обо мне дурно помнит <...> – скажи им, чтоб забыли об этом,

если тебе удастся их встретить» [Орнатская, Фридендер 1988: 43]. Второй же, наоборот, заключается в умножении хорошей памяти о нем: «Целуй жену свою и детей. Напоминай им обо мне; сделай так, чтоб они меня не забывали» [Орнатская, Фридендер 1988: 42]. Он также просит поблагодарить всех тех, кто о нем помнит, остальным же – напомнить, то есть преумножить силу, которая состоит в памяти, преодолеть забвение. Да, Достоевский, на мой взгляд, опасается забвения, ведь он видит в памяти ту самую спасительную силу, которая способна «воскресить» человека. В этом он схож с античными героями и людьми – для них главной была память, пока помнят их имена, они могут считать себя живыми. «Отождествление забвения и смерти характерно для всей античной культуры» [Бахарь 2019: 39].

Важно рассмотреть и показания Ф. М. Достоевского во время следствия. Он оправдывает товарищей, не позволяет спастись самому за счет других людей – здесь можно провести параллель с поступками Христа, который пришел именно для спасения людей – именно эта личность становится образцом для подражания. «Но брат мой никогда не принимал никакого участия в разговорах у Петрашевского. Я не слышал, чтобы он сказал хоть два слова» [Достоевский 1988: 238]. Писатель же с помощью данных речей спасает других не только физически, он дает им возможность преобразиться духовно. Ф. М. Достоевский не перекладывает на них вину, давая оправдания даже тем, кого упоминает. А на многие вопросы, касаемые критических высказываний петрашевцев, он отвечал: «*He был и не слышал*» [Достоевский 1988: 239]. В то же время другие участники кружка петрашевцев не заботились о своем духовном состоянии, очерняя друг друга. Следовательно, уже на этом этапе происходит противопоставление разных типов личностей и их поступков, на основе этого трансформируется и взгляд Ф. М. Достоевского.

Таким образом, события 1849 года сильно повлияли на изменение типа личности Федора Михайловича. Во-первых, он переориентировался с материального на духовное (что отразилось и на его творчестве). Во-вторых, он прошел «духовное испытание» во время пребывания в Петропавловской крепости (а это приблизило его к Богу и укрепило характер). В-третьих, он проявил себя как писатель, равнодушный к творчеству (не только к своему, но и к чужому – как мы видим по его письмам, в заточении Ф. М. Достоевский не перестал читать). В-четвертых, он проявил себя как человек, с трепетом относящийся к памяти. Следовательно, с помощью эпистолярного наследия 1849 года читатель может проследить эволюцию образа Федора Михайловича: его становление как глубоко верующего человека, изменение ценностей и переосмысление действительности.

Литература

Азаренко Н. А. Христорологическая метафоризация персонажей как способ организации романа Ф. М. Достоевского «Идиот»: языковая аргументация // Мир русского слова, 2014. №1. С. 31–35.

Бахарь С. А. Роль памяти в античном гностицизме: опыт историко-философского анализа // Вестник Русской христианской гуманитарной академии, 2019. С. 34–42

Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М. : Наука, 1971.

Борисова В. В. Эпистолярный Ф. М. Достоевского периода каторги и ссылки: код спасения // Филологический класс, 2019. №1. С. 23–27.

Достоевский А. М. Воспоминания. СПб. : Андреев и сыновья, 1992.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 8. Л., 1973. С. 362–458

Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 т. Т. 12. Л., 1988. С. 238–239

Душенко К. В. Жан Старобинский. Грех уныния (acedia) // Вестник культурологии, 2016. С. 24–25

Захаров В. Н. Кто подарил Достоевскому Евангелие в январе 1850 года? // Неизвестный Достоевский, 2015. С. 44–53

Захаров В. Н. Куда исчез архив Достоевского 1840-х годов? // Знание. Понимание. Умение, 2014. №3. С. 287–296.

Преподобный Амвросий Оптинский. Поучения преподобного Амвросия Оптинского супругам и родителям // Мск: Благовест, 2015. С. 176.

Сараскина Л. И. Федор Достоевский. Одоление демонов – М. : Согласие, 1996.

Сафронова Е. Ю. Литературный код поведения Ф. М. Достоевского в процессе 1849 года // Культура и текст, 2005. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnyy-kod-povedeniya-f-m-dostoevskogo-v-protssesse-1849-goda> (дата обращения: 07.07.2021).

Собрание сочинений: в 15 т. / Ф. М. Достоевский; [сост. Т. И. Орнатская, Г. М. Фридлиндер]; Российская акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). Л. : Наука, Ленинградское отд., 1988. С. 39–43.

Сыромятников О. И. Православие в художественном мире романа Ф. М. Достоевского "преступление и наказание" // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2008. № 6. С. 283–289

Tumanova S. A. The Petrashevtsy Case: the Personality of Dostoevsky in the Epistolar Legacy of 1849

Abstract: This article examines the letters of F. M. Dostoevsky from the Peter and Paul Fortress, as well as the personality of the writer through the prism of his experiences in this period. The process of "rebirth" of F. M. Dostoevsky, his views and convictions is traced. In the epistolary heritage of 1849, the writer is revealed from different angles, therefore the task of the study is to analyze the role of such a socio-political event as the Petrashevsky cause in the life of F. M. Dostoevsky.

Keywords: F. M. Dostoevsky, petrashevtsy, epistolary, Christianity, 1849

С. А. Бурушкина

(научный руководитель – доктор филологических наук Е. А. Фёдорова)

Ярославский государственный университет

Ярославль, Россия

Традиции древнерусской словесности в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского 1876–1879 гг.

Аннотация: в статье рассмотрен «Дневник Писателя» Ф. М. Достоевского 1876–1877 гг. как произведение, которое создается в русле традиций древнерусской словесности. Об этом свидетельствует категория «летописного времени», позиция автора, близкая авторской позиции древнерусского книжника, соединение разных точек зрения на текущие события, а также традиции жанров древнерусской словесности – летописи, агиографии и жанра видения.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Дневник Писателя», традиции древнерусской словесности, проблема автора.

Одна из актуальных проблем науки – определение национального своеобразия русской литературы. В. Н. Захаров в 1994 г. предложил разрабатывать этнопоэтику как дисциплину, которая должна проследить этнокультурный компонент в самой художественной структуре произведений, в организации поэтического мира художника, его аксиологической системе [Захаров 1994].

По мнению Д. С. Лихачева, Ф. М. Достоевский в своих прозаических произведениях использует такой художественный прием, как «летописное время».